

ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Объективным фактом является констатация того обстоятельства, что не существовало, не существует и, наверное, в обозримой перспективе не будет существовать общества, не сталкивающегося с проблемой преступного, общественно опасного поведения.

Впервые ясно указавший на этот социальный факт Э. Дюркгейм предлагал рассмотреть такую модельную ситуацию: «Представьте себе общество святых, образцовый монастырь примерных индивидуумов. Преступления в собственном смысле слова здесь неизвестны; однако проступки, представляющиеся несущественными мирянину, вызовут тут точно такой же скандал, какой обычные преступления вызывают в обычных условиях. Если к тому же такое общество обладает властью судить и наказывать, оно определит такие деяния как преступные и будет относиться к ним соответствующим образом» [1. С. 41].

Взгляд на проблемы обеспечения общественной безопасности и правопорядка с точки зрения факта социальной инвариантности общественно опасного поведения позволяет сформулировать ряд предположений:

– во-первых, не существует общества (и сообщества) без угроз его безопасности со стороны его же членов;

– во-вторых, только в Новое время санкции за эти деяния стали регламентироваться специализированным уголовным законодательством, тогда как ранее аналогичные преступления и наказания регламентировались обычным правом и общим, неспециализированным, законодательством;

– в-третьих, преступления и наказания столь же обычны для первобытного общества [2];

– в-четвертых, деяния, аналогичные и по существу идентичные преступлениям и наказаниям, столь же обычны для социально организованных приматов и других животных сообществ;

– в-пятых, общественно опасные деяния, совершают не только несовершеннолетние лица, но и малолетние дети [3–6].

В данной работе мы остановимся на вопросе о филогенезе общественно опасного поведения, его происхождении и биологических предпосылках, наличествующих в животных сообществах.

В истории общественной мысли картина взаимоотношений, складывающихся в животных сообществах, оценивалась двояко. К кинической традиции античности восходит образ мира животных как царства мира, добра и справедливости. Такое представление находится в основе не раз выдвигавшегося в последующем призыва к человечеству вернуться назад, к природе. Формула Плавта Тита Макция «*Homo homini lupus est*» символизирует восприятие природы как естественного состояния войны всех против всех. Таким образом, представление о наличии в мире животных форм поведения, аналогичных общественно опасному поведению людей, становилось своеобразным фоном естественно-правовых представлений.

Концепции естественного права, рассматривая вопросы естественных прав, обязанностей и свобод человека, присущие ему в естественном состоянии, обсуждали вопросы нарушения естественных прав и формулировали доктрины естественно-правовых начал уголовного права [7]. Изучая вопрос о естественных правах человека, авторы кон-

цепции естественного права практически не уделяли внимания правам животных и их обеспечению, но в XIX–XX вв. эта проблема стала активно обсуждаться [8].

Для сторонников криминальной (уголовной) антропологии, акцентировавшей климатические и психосоматические факторы преступности в человеческом обществе, идея «преступности животных» была очевидной. Так, Ч. Ломброзо говорил об «эквиваленте преступности» у животных, если их собрано много в одном месте [9. С. 43]. Он так писал: «Преступление в человеческом обществе также естественно, как и во всем органическом мире. Совершают преступления и растения, которые убивают и поедают насекомых. Животные обманывают, крадут, разбойничают и грабят, убивают и пожирают друг друга» (цит. по: [10. С. 50]).

Полемизуя с уголовной антропологией и обосновывая уголовную социологию, Э. Ферри указывал на явления «общественной обороны» в случаях «общей опасности» в животных сообществах, находящихся на различных ступенях эволюционной лестницы [11. С. 357]. «Более того, даже среди животных, особенно среди самых умных млекопитающих, наблюдается высшая фаза социальной обороны, выполняемая не обществом, а предводителем, соблюдающим, конечно, личные интересы, но в то же время преследующим и интересы коллективные, подобно тому, как это происходит в диких или варварских человеческих обществах. В самом деле, многие из млекопитающих травоядных живут группами, и в таких случаях одно из них пользуется известной властью над другими, предводительствует ими и защищает их; это наблюдается у слонов, лошадей, бизонов, обезьян», – писал он [Там же. С. 358].

Данные криминологами оценки нашли определенное подтверждение в наблюдениях этологов. Комментируя представленную в работе В. Р. Дольника [12] сводку данных этологии в отношении общественно опасного (в рамках животных сообществ) поведения животных, выдающийся российский правовед академик С. С. Алексеев приходит к заключению, что «право имеет глубокие природные предпосылки, особо четко выраженные в “нравах” и “нормах поведения” организованных биологических сообществ» [13. С. 699]. В иерархической организации стайных животных С. С. Алексеев

видит «первичные подпочвенные истоки» организации власти и исторически первые ступени правового развития – «право сильного», «право войны», «кулачное право», «право власти».

С. С. Алексеев исходит из бесспорного факта того, что «в человеке заложены не только биологические программы, предопределяющие возможность его антисоциального поведения», но и «другие инстинктивные программы, также заложенные в человеке: желание быть свободным, потребность иметь собственность (включая землю, дом семью), запрет убивать, грабить, отнимать, притеснять слабых» [13. С. 431]. Характеризуя значение врожденных регуляторов позитивных поведенческих реакций для конструирования механизма правового регулирования, С. С. Алексеев также подчеркивал: «В реальном человеческом бытии некоторые элементарные требования жизнедеятельности (такие, как императивы эквивалентности при обмене, “старшинства”, “первенства”, “очередности”) действительно довольно прочно утвердились в виде непреложных, безусловных, категорических» [Там же. С. 418]. С. С. Алексеев думает, что есть весомые основания полагать: «... биосоциальное ощущение права... стойкое природное уважение к нему таятся в самых глубоких биосоциальных корнях людей... Ведь ощущение особую “своего” места в биосоциальной иерархической организации сообщества животных, “своей” монополии на самку или на “своих” детенышей, “своей” роли в совместной охоте и возможности на получение доли в добыче – это все не что иное, как первичные зачатки того, что позже на языке людей получило название “право»» [Там же. С. 431].

Существенно важным представляется ему момент дифференциации и разветвления биосоциальных предпосылок права. Во-первых, это «свободы» и «права» верховного иерарха (вожака стаи), избранных им самок, «приближенных» и далее. Во-вторых, «свобода» каждой особи организованного сообщества, выражающаяся, например, в «праве» на равную на данной ступени иерархической лестницы долю пищевых ресурсов. Здесь, по его мнению, кроются истоки органически разного построения правовой материи, проявляющиеся затем в публичном и частном праве и по-разному повлиявшие на возникновение и развитие права, его типов и семей, на характер, направления и перспективы правового прогресса [Там же. С. 432].

Размышления С. С. Алексеева развивают, на наш взгляд, логику позиции, усматривающей биологические предпосылки человеческой деятельности. Хорошо известно, что животные обладают элементарными формами рассудочной деятельности, осуществляют орудийную деятельность, реализуют различные формы ритуального, брачного, обменного, игрового поведения. Социальное поведение стайных животных необходимо включает как поддержание иерархического порядка, так и «перевороты» в нем.

Иерархическая организация стайных животных является основой возникновения норм, регулирующих агрессивное поведение доминантов и субдоминантов. Любое несанкционированное потребление особей низших рангов (впрочем, как и санкционированное) расценивается как объективно неизбежное воровство, т. е. нарушение естественного правопорядка, регламентированных рангом прав на пищу, самок и др. Соответственно неизбежным элементом естественного правопорядка в общественной иерархии становится грабёж сверху – опирающееся на открытое применение силы изъятие особями высших рангов жизнеобеспечивающих ресурсов, зачастую произвольное, только подтверждающее установленный «порядок клевания». Так, в рационе львов 75 % пищи самцов составляет добыча, отобранная ими у самок, 12 % – отнятая у других хищников, 13 % – та, которую они убили сами.

Такое «преступное» поведение присутствует и у других животных. Например, согласно А. Н. Тимофееву, у птиц между хищными и врановыми сложились следующие виды пищевых отношений:

1) комменсализм – отношения, при которых врановые используют часть добычи хищной птицы без особого ущерба для хозяина добычи или расклеивают падаль, найденную некрофагом; в свою очередь, падальщики внимательно следят за поведением врановых и, если те первыми находят большой запас пищи, отгоняют врановых или кормятся совместно с ними;

2) клептопаразитизм – отношения, при которых врановые воруют часть добычи хищных (беркута, могильника, малого подорлика, тетеревику), зачастую прямо из гнезда;

3) «обычный разбой» – когда врановые (чаще ворон) отбирают добычу у хищной птицы;

4) конкуренция – вытеснение соперников из подходящих гнездовых ниш и участков [14].

В мире животных клептопаразитизм, хищение чужой добычи – распространенное явление¹. Оно является врожденной, эволюционно выработанной формой социального поведения животных. Этология считает, что программы инстинктивного поведения создаются естественным отбором медленно и постепенно и отмирают столь же медленно. Поскольку человек – животное общественное, то клептопаразитизм (воровство и грабежи) является для него естественной нормой поведения, реализуемой в партитуре прочих эволюционно оправданных архетипов поведения.

В. Р. Дольник обратил внимание на то, что при высокой плотности популяции и дефиците кормовых ресурсов общественно опасное поведение активизируется. Агрессивные особи начинают открыто нарушать границы участков соседей, отнимать пищу, гнезда, норы. Подавленные особи пытаются совершить ответное похищение незаметно. Такое поведение, как указывает В. Р. Дольник, проявляется и у людей в форме массового распространения грабежей, мелкого воровства, забрасывания продуктивного труда, бессмысленного дележа на крохи отнятого [12. С. 279].

При поддержании правопорядка в стайных сообществах наказание не выполняет функцию предотвращения нежелательного поведения. Как правило, наказание используется после того, как поведенческий акт уже завершен. По своему физиологическому действию наказание является отсроченным отрицательным подкреплением, а, как известно, чем далее во времени отсрочено подкрепление, тем с большим трудом модифицируется поведение. Наказание учит только, как не попадаться или как принимать такую позу подчинения, которая снижает его интенсивность или исключает его. Действенное наказание служит главным образом мощным подкреплением для наказываемого. Поскольку наказание способствует сохранению и упрочению доминирующего положения наказываемого, он стремится к наказанию как доказательству своего лидерства.

¹ См.: *Гиляров А. М.* Африканских диких собак обворовывают гиены (<http://africana.ru/konkurs/raboti/Gilyarov/dogs.htm>); *Дорожные осы Pompilidae* (<http://zooexcurs.narod.ru/hymenoptera/Pompilidae.htm>); *Себребристая чайка* (<http://water-birds.narod.ru/larusargentatus.htm>). См. также: [15–17].

В организованных сообществах проявления агрессии имеют строго упорядоченный, ритуализованный характер, ограничиваясь стандартными ситуациями защиты территории, брачных сражений и т. п. Эволюционный процесс выработал систему инстинктивных запретов, ограничивающих агрессивное поведение животных. Согласно В. Р. Дольнику, помимо запрета «не убий», многие животные подчиняются запретам «не бить лежащего», т. е. соперника, принявшего позу покорности, не трогать детенышей, не покушаться на чужую территорию, чужое гнездо, чужую самку, не нападать неожиданно или сзади, не отнимать пищу, не воровать ее и т. п. В отношении «своих» (это могут быть родители, братья и сестры, партнеры по стае, обитатели общей территории и т. п.) запреты действуют очень сильно, а в отношении чужих – слабее или вообще снимаются [12. С. 209–214].

В группах с устойчивой иерархией отмечается прирост особей в весе, а интенсивность «клеванья» значительно ниже. Популяции с устойчивой иерархией могут благополучно достигнуть значительной плотности без каких-либо вредных последствий для своих членов. В группах с неустойчивой организацией постоянные драки снижают шансы в борьбе за выживание. Таким образом, общественно опасное поведение можно рассматривать как адаптивную стратегию, которая имеет факультативный, дополнительный характер по отношению к основным формам инстинктивного поведения. Общественно опасное поведение обеспечивает определенные эволюционные преимущества, но специализироваться на нем может только небольшая часть популяции. Целиком устранить общественно опасное поведение из жизни животных невозможно, но каждое отдельное сообщество формирует механизмы его сдерживания на социально терпимом уровне.

Сублимация асоциального поведения, трансформация регулирующих его программ, представляет собой сложную и трудную задачу, постоянно решаемую в длительном и продолжающемся процессе антропосоциогенеза.

Образование иерархий, например, по мнению В. Р. Дольника, можно направлять по оптимальному пути. Один из них – стимулирование образования множества маленьких иерархий и вхождение каждого человека в несколько таких групп. Человек чувствует себя свободным, если он, во-первых, может ни в од-

ной из них не участвовать; во-вторых, участвовать во многих и занимать в каждой из них разный иерархический уровень; в-третьих, свободно покидать любую из них; и, в-четвертых, сам организовать новую группу, соответствующую его представлению о целях, характере отношений и персональном составе. Основу общества должны образовывать индивидуумы, имеющие достаточно чего-то своего (семья, земля, дом, орудия производства, акции), для того чтобы чувство собственного достоинства и уверенность в собственных силах запускать программы позитивного поведения.

Вот какое заключение о перспективах контроля инстинктивно обусловленного общественно опасного поведения человека дает известный специалист в области поведения животных Н. Тинберген: «В ближайшем будущем человеку, по-видимому, не удастся покончить со своими агрессивными тенденциями, и это заставляет нас учиться обуздывать их по возможности наиболее эффективными способами. И вот здесь наука о поведении животных дает нам многое. Можно изучать вопрос, как поставить воспитание, чтобы оно по крайней мере препятствовало возрастанию агрессивности, насколько это вообще осуществимо сегодня в условиях состязания различных социальных систем. Можно прививать людям способность представлять себе страдания жертв агрессии и пробуждать сочувствие к ним. Это настоятельно необходимо, поскольку оружие дальнего действия позволяет человеку убивать на расстоянии, откуда нельзя увидеть и услышать проявления горя наших братьев, которое должно было бы сдерживать руку агрессоров. Нужно попытаться найти наилучшие пути для облагораживания нашей агрессии и перевода ее в другое русло; направить свои силы на покорение природы и космоса, на создание гигантских ирригационных сооружений и на другие подобные великие свершения. В этом и в других отношениях дело изучения поведения животных может сослужить нам хорошую службу, а возможно, и спасти нас. С этой точки зрения наука о поведении животных представит перед нами как наиболее важная из всех существующих» [18. С. 156].

Для обеспечения разрядки накопившейся агрессивности в социально приемлемых формах этологи рекомендуют следующие меры:

– социально одобряемые формы реализации потенциальной агрессии в борьбе с общим врагом;

- катарсис при осуществлении агрессии в отношении представителей других видов;
- переориентация агрессии на эрзац-объекты или регламентация процедуры прямого соперничества;
- формирование социальных институтов демонстративного выражения угроз и символической агрессии;
- отреагирование агрессии в мечтах, фантазиях, воображении, азартных играх и жесточайших зрелищах;
- ритуализированные формы внутривидовой агрессии – спорт, в том числе экстремальный, как альтернатива аддиктивному поведению;
- паспорт (болельщики-фанаты);
- военизированные и скаутские лагеря;
- сублимация агрессии в допустимых и социально полезных видах деятельности (творчество, деятельность по наведению чистоты и порядка);
- накопление фонда постоянно поддерживаемых и передаваемых из поколения в поколение традиций, обычаев, ритуалов поведения, церемониальных действий;
- воспитание культуры общественного поведения граждан, овладения этикетом и хорошими манерами².

Согласно принципу относительной неэффективности биологических функций ни одна из этих мер не ведет к абсолютному и полному успеху, но каждая способствует его достижению.

Реалистичность указанных стратегий основывается на эволюционной стабильности животных сообществ, которые, несмотря на множественность разнообразных форм общественно опасного поведения, сохраняют свою целостность и успешно воспроизводятся. Поэтому учет врожденных, инстинктивных программ поведения имеет фундаментальное значение для обеспечения господства права в человеческом обществе.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1965.

² Шевченко Ю. С., Дерягина М. А., Валентович Н. С. Этологический подход к пониманию агрессии и ее профилактике (<http://www.rusmedserv.com/psychsex>).

2. Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М., 1927.

3. Андреева М. О некоторых проблемах детского воровства // Гештальт-97. М., 1997.

4. Антипова И. Г. Воровство в детском возрасте: анализ причин и коррекция // Детский психолог. Ростов н/Д., 1995. № 9, 10.

5. Гордин Л. Ю. Поощрения и наказание в воспитании детей. М., 1981.

6. Дмитриева Т. Б. Детская преступность: общая картина, ключевые проблемы и пути помощи // Дипломатический ежегодник. 2003. М., 2004.

7. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909 (<http://www.in1.com.ua/book/10772/9271>).

8. Тюгашев Е. А. Права животных как объект философско-правовой рефлексии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2006. Т. 3, вып. 1.

9. Ломброзо Ч. Преступление // Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М., 2004.

10. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 2003.

11. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005.

12. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2003.

13. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

14. Тимофеев А. Н. К вопросу о конкурентных отношениях хищных и врановых птиц на юге Ставропольского края // III Конференция по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии: Материалы конф. 15–18 сентября 1998 г. Ставрополь, 1998. Ч. 1.

15. Ломанов А., Самохоткин А., Супонина Е. Катастрофа на планете обезьян. Почему в Индии решили стерилизовать макаков // Время новостей. 2003. 24 окт. (портал Credo.ru).

16. Михайлов К. Г. Пауки-клептопаразиты // Природа. 1998. № 8.

17. Несис К. Н. Вороватая улитка // Природа. 2001. № 3.

18. Тинберген Н. Поведение животных. М., 1985.